

Безупречный Синий

12+

Юлия Юрген

Юлия Юрген

Безупречный Синий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55840012

SelfPub; 2025

Аннотация

В альтернативной вселенной, где паровая технология перевернула ход истории и обеспечила победу Британской Империи над половиной Земного шара, живет мальчик-сирота. Однако его интересует не политика, а как бы умыкнуть на рынке чего-нибудь съестного и не получить нагоняй от Мадам за нечищенные горшки и котелки. Так продолжается до тех пор, пока мальчик не встречает художника, который изменит его мир навсегда.

Короткий рассказ, который понравится поклонникам стимпанка и приключенческих историй.

Юлия Юрген

Безупречный Синий

«Ты помнишь, как мы впервые встретились в 1704?

В тот день Британия праздновала становление своего господства в Европе и Новом Свете. Атлантика и всё Средиземье покорились перед военной мощью парового двигателя. Народ доставал из комодов и сундуков новые рубашки, платки, бусы, которые годами хранились на особый случай. Весь город был украшен цветными лентами.

Молодые красавицы осадили пристань, чтобы первыми встретить победителей, вернувшихся домой.

Воздух был влажным от паровых машин, что неудивительно, ведь такое количество дирижаблей за раз Ницца ещё не видела. Стоял гвалт английской, итальянской и французской речи. Я и сам разговаривал на этом странном смешанном языке.

Я смотрел, как на горизонте вырисовываются белые треугольники фрегатов с флагами Её Величества. Я представлял, что корабли снаряжены быстрыми облачками вместо парусов. Небо было таким прозрачным, что я подумал: «Какие же глупые эти чайки, пытаются дотянуться туда, совсем высоко».

Уличные музыканты, дерущие глотку за три пенса от солдат в сияющих золотых эполетах. Оглушительные залпы пу-

шек, запах пороха. Комья зелёных водорослей, выброшенных на залитый солнцем берег.

Ты сидел босой, по щиколотку в песке, среди этих клубков морской травы, в которых копошились мелкие рачки и крабы. Ты единственный был спокоен и даже безмятежен. Твой мольберт стоял на самой границе прибоя. До сих пор не понимаю, каким чудом его не унесло волной, когда с брызгами пены и рёвом пришвартовалась адмиральская каравелла, ослепляя всех своим величием.

Мне было интересно, что так сильно занимало тебя, что ты даже не удостоил взглядом этот праздник жизни. Я стал наблюдать.

Почти ничего не происходило, но твой статичный образ увлёк меня полностью, даже вытеснил мысли о том, что лучше бы воспользоваться суматохой и стянуть пару хлебных мякишей с прилавка старого булочника. По пятницам булочник всегда пёк хлеб с луком. Боюсь, что нам не дано когда-либо уже вкусить его тёплый аромат, размять корочку... а если перед этим ещё пробежать пару кварталов от самого булочника, вооруженного скалкой! Это невероятно нагуливало аппетит.

Так, о чем это я? Ах, да, о тебе.

Ты должен меня простить, мне было всего восемь, а сейчас... я даже не знаю, очень-очень много лет, так что и тогда, и сейчас моя память изменчива.

Итак, что же мне показалось таким странным в тебе, кро-

ме босых ног? Наверное, что ты не отводил взгляда. Ты писал свою картину будто слепой, совершенно не глядя на холст, а впиваясь глазами вдаль, в синие просторы океана. Ты даже не заметил, как огромная черепаха решила покуситься на твой чемодан с кистями, и тут я понял: это мой шанс! Иначе, я просто не решусь заговорить с тобой.

– Эй, на берегу! Месье! Осторожно! – я перевесился через каменную изгородь набережной и сложил руки рупором. Бесплезно, ты не обернулся.

Тогда мне пришлось бежать к тебе, увязая в мокром песке подошвами старых ботинок. Дело осложнялось тем, что они мне были страшно велики.

Только когда я, изрядно запыхавшись, добежал до береговой линии и в последний момент успел схватить твой чемодан, спасая кожаную ручку от мощных челюстей черепахи, только тогда ты оторвался от горизонта.

– Ах ты, мелкий воришка! А ну отдай! – закричал ты на чистом французском.

– Месье! Сеньор! Это не то, что вы подумали! – взмолился я, прикрываясь чемоданом, – Ваши кисти!

Наконец, ты огляделся и увидел настоящего «грабителя», уже переключившегося на добычу помельче, которой кишели водоросли.

– Ах, вот что... мальчик, ты спас мои инструменты. Я должен поблагодарить тебя, – сказал ты.

Но я не ответил тебе, ведь я увидел её. Твою картину. До

этого её зарывала твоя широкая спина. Это было самое удивительное и прекрасное, что я видел в жизни. Да, это была та же Ницца, то же море, те же корабли, но удивительный свет пронизывал картину. И удивительный цвет.

– Ты что-то понимаешь в искусстве? – спросил ты.

Я мог лишь молчать, не отрываясь от картины.

– Эх, я думал, мадмуазели не рискнут портить туфли морской водой, но, кажется, их романтические стремления сильнее всего на свете, – ты начал собирать свой немногочисленный скарб в чемодан, – Мне уже не удастся спокойно поработать сегодня. Ну, бывай!

Ты уже собрался уходить, и тут меня охватило ужасное отчаянье, я не мог смириться, что ты просто так исчезнешь, и я ничего не узнаю ни о тебе, ни о твоей картине.

– Месье! Она красивая.

Ты обернулся.

– Ваша картина очень красивая.

Ты засмеялся, а мне стало обидно.

– Иди домой, мальчик, и расскажи милой матушке, что сегодня ты спас от гибели кисти великого художника.

– У меня нет дома и матушки, месье великий художник.

Думаю, только после этого ты обратил внимание, что я был худой и грязный.

– Хм. Похоже, ты говоришь правду. И что, отца тоже нет?

– Нет.

– Работный дом?

Я испуганно помотал головой.

– Тогда где же ты живешь?

– На кухне у одной пожилой мадам. Взамен на чистку горшков и башмаков, – сознался я.

– Далеко ли отсюда?

– Нет, между Жан-Медсен и Вьей-Вилль, на улице Либерте, – горячо выпалил я.

– Если захочешь заработать чем-то, кроме чистки башмаков, приходи на бульвар Мон Борон, там меня найдёшь, – сказал ты и оставил меня одного в сгущающейся толпе.

На следующий день я пришёл на бульвар Мон Барон и спрашивал у прохожих, не видели ли они великого художника. Прохожие смеялись. А потом ты как ангел с небес свалился мне наголову. Почти буквально.

Ты выпал из окна под женский плач и мужской крик. Казалось, падение тебя совсем не огорчило, а вот летящий следом холст беспокоил явно больше.

Даже не замечая меня, ты поднялся, отряхнулся и как ребёнок прижал к себе разбитую картину, пачкая свежими красками поношенный сюртук.

– Некоторые мужланы ничего не понимают в искусстве. Она утрачена! – ты повернулся и непринуждённо обратился ко мне, будто я всегда был рядом.

Затем из окна вылетел раскрытый чемодан с палитрами и кистями. Я помог тебе их собрать. Я спросил, что произошло, а ты сказал, что мадам могла прекрасно получиться в

утреннем свете, но её муж всё понял, конечно, неверно.

Мы долго шли вверх по улице, пока не добрались до твоей студии. Ты впустил меня в свой мир. В удивительный мир цвета.

Позже ты стал моим учителем, другом, отцом, а потом и моим тёмным гением. Но тогда я мог лишь радоваться, что в моей жизни появилось что-то лучше, чем чистка горшков и кража булок.

Весь следующий год я работал на два дома: рано утром чистил обувь для мадам, бежал через весь город на Мон Брон, чтобы учиться смешивать краски, мыть кисти и чистить твою одежду. Вечером я возвращался к мадам и приступал к чистке печей и кастрюль.

Вскоре я уже мог самостоятельно смешать для тебя “персидскую синь” и отличить её от “парижской”, а еще от “королевской” и многих других.

Как-то раз я вернулся вечером к мадам и обнаружил, что дома не горит лампа. Мадам не зажгла лампу, потому что в тот вечер мадам не стало. Она была стара и не страдала, но мне было жаль её, а кроме того, больше некуда идти.

Я так же заночевал в кухне, но почти не спал, всё ждал, что появится призрак в ночном чепце. Однако призрак не появился, наверное, мадам была хорошим человеком.

Утром я собрал свои скромные пожитки, прихватил старого серого кота и отправился к тебе в студию.

– Ты опоздал.

И тут я всё же разрыдался и рассказал тебе всё о прошлой ночи. Я думал, ты разозлишься, но вместо этого, ты сказал, что мы можем спать на полу в студии. И я, и кот. При условии, что он не будет мешать тебе за работой и не испортит картин.

Я думал, что упаду в обморок от избытка чувств. Самый грустный день в моей жизни неожиданно превратился в самый счастливый. Теперь я мог быть рядом с тобой всегда.

Через месяц ты закончил портрет одной дамы из Чешира, приехавшей на лето, и подарил ей нашего кота. У нас совершенно не было денег даже на собственное содержание, а у дамы было поместье в Чешире и сыроварня.

Я помог донести картину и саквояжи дамы до порта, она села на дирижабль и улетела в Англию. Я долго махал ей и коту с пристани, но больше, конечно, коту. Мне хотелось, чтобы ему повезло в новой жизни.

Оказалось, что у дамы из Чешира много скучающих великовозрастных подруг, желающих погреть толстые бока под ласковым солнцем Ниццы. И желающих заполучить такой же чудесный красочный портрет. Через две недели нашу студию заполонили бледные матроны. Ты едва успеваешь в срок, но отказываться было нельзя, ведь когда наступит зима, мы останемся один на один со своей нищетой в окружении горожан Ниццы, которые ничего не слышали про великого художника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.